

Осип Мандельштам

Камень. Tristia

Сборники стихов

**Москва
Книга по Требованию**

УДК 82-3
ББК 84

Осип Мандельштам

Камень. Tristia: Сборники стихов / Осип Мандельштам – М.: Книга по Требованию, 2011. – 45 с.

ISBN 978-5-4241-0640-8

Воспроизведено в оригинальной авторской орфографии по изданиям 1913 г.
(Санкт-Петербург, АКМЭ) и 1922 г. (Петербург-Берлин)

ISBN 978-5-4241-0640-8

© Издание на русском языке, оформление, «
YOYO Media», 2011
© Издание на русском языке, оцифровка, «
Книга по Требованию», 2011

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

И надъ лѣсомъ вечерьюшимъ
Встала мѣдная луна;
Отчего такъ мало музыки
И такая тишина?

1911

* * *

Отчего душа такъ пѣвуча,
И такъ мало милыхъ именъ,
И мгновенный ритмъ — только случай,
Неожиданный Аквилонъ?

Онъ подыметъ облако пыли,
Зашумить бумажной листвой
И совѣтъ не вернется — или
Онъ вернется — совѣтъ другой...

О, широкий вѣтеръ Орфея,
Ты уйдешь въ морскіе края —
И, не созданный міръ лелѣя,
Я забыть ненужное «я».

Я блуждалъ въ игрушечной чащѣ
И открылъ лазоревый гротъ...
Неужели я настоящій,
И действительно смерть придетъ?

1911

* * *

Быть можетъ, я тебѣ не нуженъ,
Ночь; изъ пучины міровой,
Какъ раковина безъ жемчужинъ,
Я выброшенъ на берегъ твой.

Ты равнодушно волны пѣнишь
И несговорчиво поешь;
Но ты полюбишь, ты оцѣнишь
Ненужной раковины ложь.

Ты на песокъ съ ней рядомъ ляжешь,
Одѣнешь ризою своей,
Ты неразрывно съ нею свяжешь
Огромный колоколь зыбей;

И хрупкой раковины стѣны, —
Какъ нежилого сердца домъ, —
Наполниши шепотами пѣни,
Туманомъ, вѣтромъ и дождемъ...

1911

* * *

Скудный лучъ, холодной мѣрою,
Свѣть свѣть въ сыромъ лѣсу.
Я печаль, какъ птицу сѣрюю,
Въ сердце медленно несу.

Что миѣ дѣлать съ птицей раненой?
Твердь умолкла, умерла.
Съ колокольни отуманенной
Кто-то снягъ колокола.

И стоить осиротѣлая
И нѣмая вышина —
Какъ пустая башня бѣлая,
Гдѣ туманъ и тишина...

Утро, нѣжностью бездонное,
Полу-явь и полу-сонъ —
Забытье неутоленное —
Думь туманный перезвонъ...

1911

* * *

Образъ твой, мучительный и зыбкій,
Я не могъ въ туманѣ осязать.
«Господи!», сказаљ я по ошибкѣ,
Самъ того не думая сказать.

Божье имя, какъ большая птица,
Вылетѣло изъ моей груди...
Впереди густой туманъ клубится,
И пустая клѣтка позади...

1912

Змѣй

Осенний сумракъ — ржавое желѣзо
Скрипить, поеть и разъѣдаетъ плоть;
Что весь соблазнъ и всѣ богатства Креза
Предъ лезвіемъ твоей тоски, Господь!

Я какъ змѣй танцующей измученъ
И передъ ней, тоскуя, трепещу;
Я не хочу души своей излучинъ
И разума и Музы не хочу...

Достаточно лукавыхъ отрицаній
Распутывать извилистый клубокъ;
Нѣть стойныхъ словъ для жалобъ и признаній,
И кубокъ мой тяжель и неглубокъ.

Къ чему дышать? На жесткихъ камняхъ пляшетъ
Больной удавъ, свиваясь и клубясь;
Качается и тѣло опояшетъ,
И падаетъ, внезапно утомясь.

И бесполезно наканунѣ казни,
Видѣніемъ и пѣньемъ потрясенъ,
Я слушаю, какъ узникъ безъ боязни,
Желѣза визгъ и вѣтра темный стонъ!

1910

* * *

Сегодня дурной день:
Кузничиковъ хоръ спить,
И сумрачныхъ скаль сѣнъ —
Мрачнѣй гробовыхъ плить.

Мелькающихъ стрѣль звонъ
И вѣщихъ воронъ крикъ...
Я вижу дурной сонъ,
За мигомъ летить мигъ.

Явлений раздвинь грань,
Земную разрушь клѣть,
И яростный гимнъ грянь —
Бунтующихъ тайнъ мѣды!

О, маятникъ душъ строгъ —
Качается глухъ, прямъ,
И страстно стучить рокъ
Въ запретную дверь къ намъ...

1911

Пешеходъ

Я чувствую непобедимый страхъ
Въ присутствіи таинственныхъ высотъ,
Я ласточкой доволень въ небесахъ,
И колокольни я люблю полетѣ!

И, кажется, старинный пешеходъ,
Надъ пропастью, на гнушихся мосткахъ,
Я слушаю — какъ снѣжный комъ растетъ
И вѣчность бьетъ на каменныхъ часахъ.

Когда бы такъ! Но я не путникъ тотъ,
Мелькающій на выцвѣтшихъ листахъ,
И подлинно во мнѣ печаль поетъ;

Дѣйствительно лавина есть въ горахъ!
И вся моя душа — въ колоколахъ —
Но музыка отъ бездны не спасеть!

1912

* * *

Нѣть, не луна, а свѣтлый циферблать
Сиять мнѣ, и чѣмъ я виноватъ,
Что слабыхъ звѣздъ я осязаю млечность?

И Батюшкова мнѣ противна спесь;
Который часть, его спросили здѣсь —
А онъ отвѣтилъ любопытнымъ вѣчность!

1912

* * *

Я ненавижу свѣтъ
Однообразныхъ звѣздъ.
Здравствуй, мой давній бредъ, —
Башни стрѣльчатой ростѣ!

Кружевомъ камень будь
И паутиной стань:
Неба пустую грудь
Тонкой иглою рань.

Будеть и мой чередъ —
Чую размахъ крыла.

Такъ — но куда уйдеть
Мысли живой стрѣла?

Или свой путь и срокъ
Я, исчерпавъ, вернусь:
Тамъ — я любить не могъ,
Здѣсь — я любить боюсь...

1912

Казино

Я не поклонникъ радости предвзятой,
Подчасъ природа сѣрое пятно, —
Миѣ въ опьянены легкомъ суждено
Извѣдать краски жизни небогатой.

Играеть вѣтеръ тучею косматой,
Ложится якорь на морское дно,
И беззыпаная, какъ полотно,
Душа виситъ надъ бездною проклятой.

Но я люблю на дюнахъ казино,
Широкій видъ въ туманное окно
И тонкій лучъ на скатерти измятой;

И, окруженъ водой зеленоватой,
Когда, какъ роза, въ хрусталь вино —
Люблю слѣдить за чайкою крылатой!

1912

Царское Село

Георгію Иванову

Поѣдемъ въ Царское Село!
Свободны, вѣтринны и пьяны,
Тамъ улыбаются уланы,
Вскочивъ на крѣпкое сѣдло...
Поѣдемъ въ Царское Село!

Казармы, парки и дворцы,
А на деревьяхъ — клочья ваты,
И грянуть «здравія» раскаты
На крикъ — «здоровово, молодцы!»
Казармы, парки и дворцы...

Одноэтажные дома,
Где однодумы-генералы
Свой коротають въкъ усталый,
Читая «Ниву» и Дюма...
Особняки — а не дома!

Свисть паровоза... Ёдетъ князь.
Въ стеклянномъ павильонѣ свита!..
И, саблю волоча сердито,
Выходитъ офицерь, кичасъ:
Не сомнѣваюсь — это князь...

И возвращается домой —
Конечно, въ царство этикета,
Внушая тайный страхъ, карета
Съ мицами фрейлины сѣдой,
Что возвращается домой...

Золотой

Цѣлый день сырой осенний воздухъ
Я вдыхаю въ смятеньѣ и тоскѣ;
Я хочу поужинать, — и звѣзды
Золотые въ темномъ кошелькѣ!

И дрожа отъ желтаго тумана,
Я спустился въ маленький подвалъ;
Я нигдѣ такого ресторана
И такого сброва не видалъ!

Мелкіе чиновники, японцы,
Теоретики чужой казны...
За прилавкомъ щупаетъ червонцы
Человѣкъ — и всѣ они пьяны.

Будьте такъ любезны, размѣняйте,
Убѣдительно его прошу —
Только мнѣ бумажекъ не давайте, —
Трехрублевокъ я не выношу!

Что мнѣ дѣлать съ пьяною оравой?
Какъ попалъ сюда я, Боже мой?
Если я на то имѣю право —
Размѣняйте мнѣ мой золотой!

Старикъ

Уже свѣтло, поеть сирена
Въ седьмомъ часу утра.
Старикъ, похожій на Верлена, —
Теперь твоя пора!

Въ глазахъ лукавый или дѣтскій
Зеленый огонекъ;
На шею нацѣпилъ турецкій
Узорчатый платокъ.

Онъ богохульствуетъ, бормочетъ
Несвязныя слова;
Онъ исповѣдоваться хочетъ —
Но согрѣшить сперва.

Разочарованный рабочій
Иль огорченный моть —
А глазъ, подбитый въ нѣдрахъ ночи,
Какъ радуга цвѣтеть.

Такъ, соблюдая день субботній,
Плетется онъ — когда
Глядѣть изъ каждой подворотни
Веселая нужда;

А дома — руганью крылатой,
Отъ ярости блѣдна, —
Встрѣчаетъ пьяного Сократа
Суровая жена!

1913

Петербургскія строфы

Н. Гумилеву

Надъ желтизной правительственныхъ зданій
Кружилась долго мутная метель,
И правовѣдъ опять садится въ сани,
Широкимъ жестомъ запахнувъ шинель.

Зимуютъ пароходы. На припекѣ
Зажглось каюты толстое стекло.
Чудовища — какъ броненосецъ въ докѣ —
Россія отдыхаетъ тяжело.

А надъ Невой — посольства полумира,
Адмиралтейство, солнце, типшина!
И государства крѣпкая порфира,
Какъ власиница грубая, бѣдна.

Тяжка обуза сѣвернаго сноба —
Онегина старинная тоска;
На площади Сената — валъ сугроба,
Дымокъ костра и холодокъ штыка...

Черпали воду ялики, и чайки
Морскія посѣщали складъ пеньки,
Гдѣ, продавая сбитень или сайки,
Лишь оперные бродятъ мужики.

Летить въ туманъ моторовъ вереница;
Самолюбивый, скромный пѣшеходъ —
Чудакъ Евгений — бѣдности стыдится,
Бензинъ вдыхаетъ и судьбу клянетъ!

1913

* * *

Въ душномъ барѣ иностранецъ,
Я нерѣдко, въ часъ глухой,
Уходя отъ тусклыхъ пьяницъ,
Становлюсь самимъ собой.

Дѣвъ полуночныхъ отвага
И безумныхъ звѣздъ разбѣгъ,
Да привязется бродяга,
Вымогая на ночлегъ.

Кто, скажите, мнѣ сознанье
Виноградомъ замутить,
Если явь — Петра созданье,
Мѣдный всадникъ и гранитъ?

Слышу съ крѣпости сигналы,
Замѣчаю, какъ тепло.
Выстрѣль пушечный въ подвалы,
Вѣроятно, донесло.

И гораздо глубже бреда
Воспаленной головы —
Звѣзды, трезвая бесѣда,
Вѣтеръ западный съ Невы...

1913

Лютеранинъ

Я на прогулкѣ похоронѣ встрѣтилъ
Близъ протестантской кирки, въ воскресеніе.
Разсѣянный прохожій, я замѣтилъ
Тѣхъ прихожанъ суровое волненіе.

Чужая рѣчъ не достигала слуха,
И только упряжь тонкая сѣла,
Да мостовая праздничная глухо
Лѣнивыя подковы отражала.

А въ эластичномъ сумракѣ кареты,
Куда печаль забылась, лицемѣрка,
Безъ слогъ, безъ слезъ, скучна на привѣты,
Осеннихъ розъ мелькнула бутоньерка.

Тянулись иностранцы лентой черной
И шли пѣшкомъ заплаканныя дамы,
Румянецъ подъ вуалю, и упорно
Надъ ними кучерь правилъ вдаль, упрямый.

Кто бы ни былъ ты, покойный лютеранинъ,
Тебя легко и просто хоронили.
Былъ взоръ слезой приличной затуманенъ,
И сдержанно колокола звонили.

И думалъ я: витїйствовать не надо.
Мы не пророки, даже не предтечи,
Не любимъ рая, не боимся ада,
И въ полдень матовый горимъ, какъ свѣчи.

1912

Айя-Софія

1

Айя-Софія — здѣсь остановиться
Судиль Господь народамъ и царямъ!
Вѣдь куполъ твой, по слову очевидца,
Какъ на щѣни подвѣшенъ къ небесамъ.

2

И всѣмъ примѣръ — года Юстиніана,
Когда похотить для чужихъ боговъ
Позволила Эфесская Діана
Сто семь зеленыхъ мраморныхъ столбовъ.

3

Куда-жъ стремился твой строитель щедрый,
Когда, душой и помысломъ высокъ,
Расположиль апсиды и экседры,
Имъ указавъ на западъ и востокъ?

4

Прекрасенъ храмъ, купающійся въ мірѣ,
И сорокъ оконъ — свѣта торжество;
На парусахъ подъ куполомъ четыре
Архангела прекраснѣе всего.

5

И мудрое сферическое зданье
Народы и вѣка переживетъ,
И серафимовъ гулкое рыданье
Не покоробить темныхъ позолотъ.

1912

Notre Dame

1

Гдѣ римскій судія судилъ чужой народъ —
Стоніть базилика, — и радостный и первый,
Какъ нѣкогда Адамъ, распластывая нерви,
Играеть мышцами крестовый легкій сводъ.

2

Но выдаєтъ себя снаружи тайный планъ!
Здѣсь позабыла подпружныхъ арокъ сила,
Чтобъ масса грузная стѣны не сокрушила,
И свода дерзкаго бездѣйствуетъ таранъ.

3

Стихійный лабиринтъ, непостижимый лѣсь,
Души готической разсудочная пропасть,
Египетская мощь и христіанства робость,
Съ тростинкой рядомъ — дубъ и всюду царь — отвѣсь.